

полностью, ни частично. И потому, если бы мне было приказано носить два плаща, а я один из них носил бы без всякого приказа, я утверждаю, что в таком случае послушание мое соответствует приказу не полностью, но частично. И таковым было бы послушание латинского комментария, и, следовательно, оно не было бы полным послушанием. А что оно было бы именно таково, явствует из следующего: латинский истолковал бы и без приказания своего господина смысл во многих частях, к тому же и объяснил бы его, в чем можно убедиться, если внимательно исследовать сочинения, написанные по-латыни, а этого народный язык не делает никогда.

Далее, послушание умеренно, а не безмерно, когда оно соблюдает границы приказания и не преступает их, подобно тому как природа в единичных своих проявлениях послушна природе в целом, когда она наделяет человека тридцатью двумя зубами, и не больше и не меньше того, и когда она наделяет его руку пятью пальцами, и не больше того и не меньше; равным образом и человек послушен правосудию, [когда делает то, что правосудие приказывает согрешившему], а не больше и не меньше. Латынь же этого не сделала бы, но согрешила бы не только недостатком и не только излишком, но и тем и другим; таким образом, ее послушание было бы не умеренным, а безмерным; следовательно, латынь не была бы послушной. Легко показать, что латынь не была бы исполнительницей приказания своего хозяина, а превысила бы его требования. Эти канцоны, то есть эти хозяева, которым комментарий в качестве слуги и предназначен, повелевают ему и хотят быть разъясненными всем тем людям, до которых может дойти их смысл, чтобы ясной стала их речь; и никто не сомневается, что, если бы они приказывали человеческим голосом, таково и было бы их повеление. Латинский же комментарий толковал бы их только для ученых, ибо другие его не поняли бы. И так как людей неученых гораздо больше, чем ученых, желающих понять канцоны, латинский комментарий не выполнил бы приказания в той степени, в какой способен его исполнить язык народный, который понятен как ученым, так и неученым. К тому же латинский комментарий толковал бы канцоны для людей чужого языка, как-то немцев, англичан и других, и этим превысил бы приказание канцон, так как – я говорю в широком смысле – содержание их вопреки их воле толковалось бы там, куда они не смогли бы проникнуть, невзирая на их красоту. И потому пусть каждый знает, что ни одно произведение, мусикийски связанное и подчиненное законам ритма, не может быть переложено со своего языка на другой без нарушения всей его сладости и гармонии. В этом причина, почему Гомер не переводился с греческого на латинский, подобно другим сочинениям, дошедшим до нас от греков. И такова причина, почему стихи Псалтыри лишены сладости музыки и гармонии; ибо они были переведены с еврейского на греческий, а с греческого на латинский и уже в первом переводе вся сладость гармонии исчезла. Таков вывод, который был обещан в начале главы, непосредственно предшествующей настоящей.

VIII.

После того как на основании достаточных доводов было показано, что во избежание досадных расхождений и для раскрытия и объяснения упомянутых канцон подошел бы комментарий на языке народном, а не на латинском, я замечу, что такая добропоспешающая щедрость заставила меня избрать первый и отказаться от второго. Добропоспешающая щедрость может быть обнаружена в трех свойствах народного языка, которых не находим в латинском. Первое – это даровать многим; второе – даровать полезное; третье – делать подарок до того, как о нем просят. Ведь даровать что-либо одному и приносить ему пользу есть благо, но даровать что-либо многим и многим приносить пользу есть не заставляющее себя ждать благо, которое уподобляется благодеяниям Бога, Всеобщего Благодетеля. И далее, даровать многим невозможно не даруя кому-нибудь одному, с тем чтобы один был включен в число многих; но даровать одному вполне возможно не даруя многим. Поэтому приносящий пользу многим совершает и то и другое благо; приносящий же пользу кому-нибудь одному совершает только одно благое дело; поэтому мы видим, что законодатели, сочиняя законы, прежде всего устремляют свои взоры на общую пользу. Далее, дарить вещи, бесполезные для того, кто их получает, конечно, благо, поскольку дарующий по крайней мере обнаруживает, что он ему друг, но это благо несовершенное и не может быть названо добропоспешающим, как, например, если бы рыцарь подарил врачу щит или врач подарил рыцарю список «Афоризмов» Гиппократов или «Искусства» Галена. Недаром муд-